

Токарев Алексей Александрович

КОНЦЕПЦИЯ "ПРАЯЗЫКА" И "ЯЗЫКА ИСКУССТВА" В ТВОРЧЕСТВЕ ИВАНА ЖДАНОВА

Предметом исследования в статье становится концепция "праязыка" и "языка искусства", сформулированная Иваном Ждановым в ряде прозаических текстов. Исследование и анализ программных эссе поэта позволяют сделать выводы относительно авторской аксиологии и проясняют представления Жданова о феномене "праязыка", определяющем механизмы и законы, по которым функционирует язык искусства. Особое внимание уделяется вопросу о включении в "праязык" не только элементов архаической поэтики, но и художественных приемов и принципов организации поэтического текста, современных Жданову.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2017/4-2/9.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2017. № 4(70): в 2-х ч. Ч. 2. С. 40-42. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2017/4-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

УДК 1751

Предметом исследования в статье становится концепция «праязыка» и «языка искусства», сформулированная Иваном Ждановым в ряде прозаических текстов. Исследование и анализ программных эссе поэта позволяют сделать выводы относительно авторской аксиологии и проясняют представления Жданова о феномене «праязыка», определяющем механизмы и законы, по которым функционирует язык искусства. Особое внимание уделяется вопросу о включении в «праязык» не только элементов архаической поэтики, но и художественных приемов и принципов организации поэтического текста, современных Жданову.

Ключевые слова и фразы: метареализм; метареалистическая поэзия; инсайд-аут; метабола; обратная проекция.

Токарев Алексей Александрович

*Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
swetozarka@yandex.ru*

КОНЦЕПЦИЯ «ПРАЯЗЫКА» И «ЯЗЫКА ИСКУССТВА» В ТВОРЧЕСТВЕ ИВАНА ЖДАНОВА

Сложность интерпретации поэзии Жданова порождает неоднозначную оценку его произведений и даже полемику в критике. На данный момент существует несколько исследовательских стратегий, применяемых литературоведами и критиками к поэзии Жданова, и одним из популярных подходов в современном литературоведении является исследование лирики в связи с архаическими чертами художественного языка поэта. Так, например, согласно концепции, предложенной О. Р. Темиршиной в труде «Типология символизма: Андрей Белый и современная поэзия», в лирике Жданова присутствует «архаическая логика бриколажа» [6, с. 142]. Развитие эта идея получает в одной из самых резонансных работ, посвященных творчеству Жданова, – в статье С. М. Козловой ««Божественный младенец» в поэзии И. Жданова»: исследователь высказывает мысль, что поэтический язык Жданова – это язык «доисторического и дологического мышления, в котором могло быть преодолено косное и захламленное стереотипами сознание современного человека» [4, с. 152]. Статья Козловой указала один из перспективных векторов исследования поэзии Жданова и отразила футуристическую направленность идей поэта, который надеется не на социальные преобразования и перестройки в мире, а именно на восстановление «некоего изначального мифологического способа мыслить и чувствовать мир» [Там же, с. 164], в результате чего возможным окажется тотальное обновление человеческого сознания.

Тенденция изучения поэзии Жданова с фокусировкой на архаических элементах поэтического языка прослеживается и в работах Н. С. Чижова, одного из самых активных исследователей творчества Жданова в последние годы. Особый интерес вызывает его статья «Синкретическая основа образного языка поэзии И. Ф. Жданова», в которой ученый убедительно показывает, что «в стихотворных текстах И. Ф. Жданова словесные образы достаточно ориентированы на архаические формы образного языка – параллелизм... символ-приложение, творительный превращения (метаморфоза)» [7, с. 146]. Эта статья достаточно показательна, так как отражает тенденцию к достаточно формальному пониманию феномена «праязыка» исследователями. В качестве ключей к пониманию поэзии Жданова современные ученые выявляют такие черты художественного языка, как архаическая логика, дологическое мышление, ориентация на архаические образы и алтайскую фольклорную мифопоэтику. Такая исследовательская стратегия позволяет прояснить некоторые сложные для интерпретации стихотворения и отдельные смысловые «темноты», но вместе с тем возникает ощущение, что недостаточное внимание уделяется вопросу понимания Ждановым самого феномена праязыка, которое может послужить ключом к пониманию не только авторской поэтики, но и авторской аксиологии.

Жданов в нескольких прозаических зарисовках затрагивает вопрос о праязыке. Так, в одном из эссе поэт пишет следующее: «Через слова, предметы, явления истории просвечивает язык. Праязык. И время от времени его слышит слух... Где-то сквозь глубину всех вещей, объединяя их, как ветви одного дерева, просвечивает буквенница этого языка. Есть много способов прочесть его, но смысл его один и тот же во все времена» [2, с. 22].

Слово «буквенница» является отсылкой к «Разговору о Данте» Мандельштама, где звучит мысль, важная для Жданова: «Поэтическая материя не имеет голоса. Она не пишет красками и не изъясняется словами» [5, с. 34]. Мандельштам полагает, что настоящая поэзия возможна только в процессе «исполнительского порыва» [Там же], результатом которого оказывается «каллиграфический продукт» [Там же]. Мандельштам указывает на сугубо материальную сущность такого продукта, который соотносит с другим инструментом поэтической деятельности: «Если перо обмакивается в чернильницу, то ставшая, остановленная вещь есть не что иное, как буквенница, вполне соизмеримая с чернильницей» [Там же].

Развивая мысль Мандельштама о природе поэтической материи, Жданов пишет, что у художника всегда есть «искушение оставить полотно, растянутое на пьедесталах, без вышивки, а холст на подрамнике без письма» [6, с. 23]. Этот соблазн возникает, так как существует «диктат формы, инерция условного долженствования» [Там же], за счет чего «в голом холсте уже присутствует семантика, отсылающая к образу живописи с этакой большой буквы» [Там же]. Отношение Жданова к такой «отсылке к образу» ощущается благодаря эмоционально окрашенному указанию «этакой большой буквы»; более того, поэт считает, что подобное творчество непродуктивно, так как дает возможность только «оппозиции... которую можно обыграть и иронически. Этот иронический “протест”

против самого стереотипа неконструктивен: ибо форма, материя (звук, краска, слово) преодолеваются в искусстве, где нет места оппозиции» [Там же]. Мысль, буквально созвучная идее Манделштама о том, что поэтическая материя «не пишет красками и не имеет голоса» [5, с. 70], звучит в другой прозаической зарисовке Жданова: поэт-метареалист говорит, что «настоящее искусство создается не из камней, слов и звуков» [2, с. 154].

И если для Манделштама поэтическая материя связана с тем, как «внутритекстовые значения смыслообразов меняются при их погружении в постоянно изменяющийся микроконтекст, который мыслится... не как статическая данность (буквенница), а как процесс» [3, с. 226], то для Жданова истинное искусство напрямую связано с владением праязыком, который позволяет снять ограничения с поэтического творчества. Апеллируя к неким «законам исторической грамматики», поэт указывает на то, что слова «“начало” и “конец” восходят к одному историческому корню» [2, с. 135]. По мнению Жданова, этот пример свидетельствует о несводимости мироустройства к линейному процессу, что хорошо чувствовалось людьми в древности. Напротив, «теперь же всякое творчество (создавание) видится вытянутым в некую дорогу, у которой должны быть конец и начало» [Там же]. Соответственно, сегодня человеку необходима некая альтернатива «линейному процессу», некая творческая и философская концепция, позволяющая вновь взглянуть на мироустройство глазами древних. И антитезой «линейного процесса» в мироустройстве и творчестве Жданову видится ситуация, когда «в человеке... восстановлен орган восприятия этого языка (*языка искусства – А. Т.*)» [Там же]. Возможность этого восстановления поэт видит совершенно реальной: праязык, по мнению Жданова, обладает определенной структурой, внутренним строением, и ему можно учиться, так как человеку этот язык ограничен. Учиться праязыку необходимо современному человеку, как необходимо учиться родному языку ребенку: «он потому и научается, что на то и создан, к тому предназначен, потенциально обеспечен» [Там же, с. 156].

Жданов проводит следующее разграничение: «Все познается в сравнении – это для языка обычного. Все познается в отрицании сравнения – это уже язык искусства» [Там же]. Объясняя феномен «отрицания сравнения», Жданов дает следующий комментарий: «Каждый предмет в обыденном языке примыкает к другому предмету посредством каких-то признаков, в которых выявляется его особость (вот эта вещь – сама по себе, а та, другая, становится ее фоном), вместе они составляют единую цепь. То, что присуще каждому предмету сверх того, неизбежно отбрасывается. А в языке искусства важно сохранение того, что этой цепью отбрасывается» [Там же, с. 169]. Таким образом, поэт указывает на важность включения в действительность художественного текста максимального числа деталей и невозможности разделения их на главные и второстепенные. Обосновывая эту мысль, Жданов приводит несколько примеров: так, существуют, например, «континуальные метонимические ассоциации в индивидуальном сознании... течение разговора... модели континуальных образов, черт, почерков, характерных мет» [Там же], формирующие цепочки ассоциаций, определяющие логику развития поэтического сюжета и метаморфоз конкретных образов в стихотворениях.

Любопытно, что мысли Жданова (не отличающиеся, к сожалению, последовательностью и программной стройностью изложения) в целом совпадают с теоретическим обоснованием метареалистической поэзии М. Н. Эпштейна (которая была опубликована раньше, в начале 1980-х годов, нежели большинство прозаических эссе Жданова, увидевших свет в 1990-е и 2000-е годы). Так, одним из ключевых понятий, которые вводит Эпштейн, является термин «метаболо». Его теоретическое обоснование ученый дает в статье «Что такое метаболо? О “третьем” тропе», где отмечает, что метаболой следует называть троп, «который раскрывал бы сам процесс переноса значений, его промежуточные звенья, то скрытое основание, на котором происходит сближение и уподобление предметов» [8, с. 177]. Это замечание еще раз указывает на сложную взаимосвязь между программными статьями, определяющими теоретическую базу метареализма, и конкретной художественной практикой. В данном случае можно сделать предположение и о влиянии концепции Эпштейна на творчество поэтов-метареалистов, и о той точности, с которой ученому удалось определить ключевые особенности художественного мышления, свойственного для авторов, работающих в метареалистическом направлении.

Также, по мнению Жданова, существуют законы художественного текста, определяющие его поэтическую силу. Жданов считает, что «для того, чтобы воплотить нечто в образ, нужно это нечто развоплотить с последующим восресением, то есть провести через смерть» [2, с. 170]. Эту идею поэт реализует на текстуальном уровне, создавая многие свои стихотворения (и даже поэтические циклы, например «Поезд») по циклической схеме, которую Н. Чижов предлагает обозначать как «разрушение – возникновение» [7, с. 150]. Для Жданова возможность «провести образ через смерть» – это залог его поэтической плодотворности, и, развивая в эссе эту мысль, поэт приводит следующий пример, в котором присутствует своего рода воплощенная метафора «неплодотворного» текста: «Видел я когда-то желтую дорогу: она была покрыта вытаявшей из-под снега пшеницей, рассыпанной в страду, – кузова у машин были худые. На дороге – как на смертном одре. Вот и умерла, а плод не сотворила» [2, с. 171]. Таким образом, способность художественного образа преодолевать собственную смерть оказывается залогом обретения новой формы его существования. Здесь идея становления «праязыка» Жданова частично перекликается с теорией «единого языка» Велимира Хлебникова, который полагал, что «появление Единой Книги или Единого Языка всегда следует за уничтожением других книг и других языков» [1, р. 281]. Но если для Хлебникова такое разрушение следовало из утилитарной логики (прежние языки и книги «становятся ненужными, так как содержат неполное знание» [Ibidem, р. 282]), то у поэта-метареалиста стратегия «разрушения – возникновения» художественного образа связана с феноменом времени. Так, Жданов пишет, что каждый «предмет – овеществленное, воплощенное время» [2, с. 22], а слово как раз служит для того, чтобы «овеществить» предмет, чтобы он «стал тем, что противоположно небытию» [Там же].

Таким образом, «язык переходящий», используемый в языке искусства, может актуализировать праязык, «язык вечный», при условии соблюдения его закона, такого как развоплощение художественного образа с последующим его воскрешением.

Жданов дает еще одно описание механизма создания поэтического текста: «Стихотворение может быть выстроено по принципу обратного сравнения. Не из точки идут две линии какого-либо сравнения, а к точке: попытное, возвратное движение мерностей, но не последовательное, а одновременное» [Там же, с. 170]. Этот образ также коррелирует с теорией метареализма, выдвинутой Эпштейном. Исследователь считает, что «метареализм – это не отрицание реализма, а расширение его на область вещей невидимых, усложнение самого понятия реальности, которая обнаруживает свою многомерность» [8, с. 147], и заявляет, что «метареализм – это реализм многих реальностей, связанных непрерывностью внутренних переходов и взаимопревращений» [Там же]. Это дает художнику колоссальную свободу, заключающуюся в возможности моделировать реальность, совмещая в ней различные исторические и мифологические пласты. Так, в большом числе стихотворений Жданов разрабатывает мифологемы, связанные не только с алтайской мифологией, но и с библейской мифологией (например, стихотворения «Взгляд», «Плач Иуды», «Мелкий дождь идет на нет...», «Возвращение», «Восхождение» и многие другие), с произведениями античной культуры («Бог Аполлон живую кожу...», «Поезд», «Бар», «До слова», «Ревность», «Как душу внешнюю, мы носим куб в себе...» и другие) и с различными «литературными мифами» (стихотворения «Поезд», «Снег сыплет парадоксами Вийона...», «По поводу Дон-Кихота» и другие). Наиболее частотными образами и мотивами, связанными с мифологией, можно назвать Воскресение, реку забвения Лету, возвращение блудного сына, столпотворение, Крещение, Апокалипсис, Всемирный потоп.

Таким образом, для Жданова метабола является не просто продуктивным поэтическим приемом, но одной из возможностей реализовывать на художественной практике истинный язык, «праязык», который имеет для автора большое аксиологическое значение. По мнению Жданова, за счет этого языка становится возможным преодоление нынешнего фатального разъединения людей [2, с. 156] и восстановление мировой гармонии [Там же, с. 154] благодаря обретению «связи со звуковым золотым сечением» [Там же, с. 170]. Праязык же, находящий отражение в «языке искусства», включает не только архаические формы, но и художественные приемы, характерные для современной Жданову поэзии.

Поэтому продуктивная стратегия интерпретации стихотворений Ивана Жданова должна основываться не только на рассмотрении лирики в контексте архаической логики и дологического мышления, архаических образов и фольклорной мифопоэтики. Думается, что сложность лирики Жданова может быть объяснима в том числе и за счет сочетания архаических и современных форм; и в ходе исследования поэзии требуется уделять внимание в том числе художественным приемам и поэтической оптике, которые характерны для метареалистического направления.

Список источников

1. Азарова Н. М. Хлебниковская теория зауми и политика единого языка // Russian Literature. Special issue. Russian Avant-Garde. Amsterdam, 2014. P. 273-289.
2. Жданов И. Ф. Воздух и ветер: сочинения и фотографии. М.: Русский Гулливер, 2005. 176 с.
3. Кихней Л. Г., Меркель Е. В. Осип Мандельштам: философия слова и поэтическая семантика. М.: Флинта, 2013. 240 с.
4. Козлова С. М. «Божественный младенец» в поэзии И. Ф. Жданова // Русская литература в XX веке: имена, проблемы, культурный диалог. Томск, 2002. Вып. 4. Судьба культуры и образы культуры в поэзии XX века. С. 149-166.
5. Мандельштам О. Э. Разговор о Данте. М.: Искусство, 1967. 88 с.
6. Темиришина О. Р. Типология символизма: Андрей Белый и современная поэзия. М.: ИМПЭ им. А. С. Грибоедова, 2012. 290 с.
7. Чижов Н. С. Синкретическая основа образного языка поэзии И. Ф. Жданова // Вестник Тюменского государственного университета. Гуманитарные исследования. Humanitates. Тюмень, 2015. Т. 1. № 4 (4). С. 146-158.
8. Эпштейн М. Н. Постмодерн в русской литературе. М.: Высш. шк., 2005. 495 с.

“PARENT LANGUAGE” AND “LANGUAGE OF ART” CONCEPTION IN IVAN ZHDANOV’S CREATIVE WORK

Tokarev Aleksei Aleksandrovich
Lomonosov Moscow State University
swetozarka@yandex.ru

The article examines “parent language” and “language of art” conception formulated by Ivan Zhdanov in his prosaic texts. Having analyzed poet’s declarative essays the paper concludes on author’s axiology and clarifies Zhdanov’s conceptions of “parent language” phenomenon which determines the mechanisms and principles of “language of art” functioning. The special attention is paid to the problem of inclusion into the “parent language” not only the elements of archaic poetics but also the artistic devices and current principles of poetical text arrangement.

Key words and phrases: meta-realism; meta-realistic poetry; inside-out; metabola; rear projection.